

Пойманных на месте преступления наставники часто наказывали сами.

Несколько человек, придя в себя, инстинктивно попытались сбежать, но их летающие мечи даже не успели развернуться, как ледяной поток ци меча перекрыл все пути. Перед глазами не было ничего, но подсознание кричало предупреждение: сделай ещё шаг — и будешь пронзён тысячью мечей.

— Умрут ли они?

Эта мысль невольно возникла в их головах одновременно.

— Что вы делаете? — их спас Юнь И. Он почувствовал взрыв того духовного талисмана и присутствие Чан Ли и немедленно прибыл. Его уровень мастерства был намного выше, чем у Чан Ли, и его мягкий характер помог стабилизировать обстановку. С его появлением давление ци меча наконец перестало сковывать их настолько, что они не могли говорить.

— Ученики признают свою вину! Умоляем председателя о наказании! — едва обретя способность двигаться, они тотчас же поклонились, признавая ошибку.

Хотя Чан Ли и была талантлива, ограниченная возрастом, её уровень мастерства был самым низким среди глав пиков. Но за её спиной стояла поддержка трёх великих старейшин. Даже те старшие братья и сёстры, что находились на поздней стадии зародышевой души, в шаге от преобразования духа, при встрече с ней уступали дорогу.

Преследовать Чжун Минчжу было сиюминутным порывом, и теперь упрямыться означало искать смерти. Лгать тоже было бесполезно — Юнь И был мастером следовых и проявленных техник, одним движением пальца он мог воссоздать виртуальный образ произошедшего. Оставался лишь один путь.

Юнь И, выяснив ситуацию, на мгновение задумался, а затем произнёс:

— Вы, трое, травили товарища по школе, нарушив правила. Оставьте свои имена, извинитесь перед младшей племянницей Чжун, а затем сами отправляйтесь в Зал Наказаний для получения взыскания. Как ты смотришь на это, младшая сестра?

Наказание провинившихся учеников определял Зал Наказаний, даже он, как председатель, не мог самовольно решать. Приказ оставить имена был мерой предосторожности на случай, если кто-то попытается скрыться. Это решение следовало правилам, было разумным и справедливым, без какого-либо фаворитизма.

Чжун Минчжу это не понравилось. Когда-то она остановила Фэн Хайлоу, чтобы тот не пошёл предупреждать Нань Сычу, именно по этой причине.

Передать дело на рассмотрение по правилам школы было не так приятно, как отомстить своими руками.

Но сейчас здесь были и Юнь И, и Чан Ли, а противная сторона, понимая ситуацию, уже сдалась. Если бы она сейчас стала устраивать сцену, это выглядело бы необоснованным.

— Наставник... — она дёрнула за рукав Чан Ли. Та отпустила её, как только та восстановила силы. — Если бы ты не пришла, ученицу бы точно обидели.

Услышав это, лица тех четверых приняли странное выражение.

На самом деле они ещё ничего не успели сделать, зато сами получили удар духовным талисманом, а у предводителя вообще носовая переломлена.

Совсем не похоже, что её обидели.

— Угу, — Чан Ли, словно не расслышав слов Чжун Минчжу, просто тихо отозвалась.

Чжун Минчжу фыркнула, сжимая рукав всё сильнее, так что казалось, вот-вот оторвёт его.

— Так я и знала! Эта бесчувственная женщина! Совсем не понимает, что такое глубокая привязанность между наставником и учеником!

Она уже решила, что, вернувшись, непременно оторвёт с пояса Чан Ли ту нитку агатовых бус, как та снова заговорила, её голос чист и холоден, как иней:

— Ты недостаточно усердно учила искусство, поэтому тебя и смогли обидеть.

— Ты?! — лицо Чжун Минчжу позеленело. Она раскрыла рот, собираясь огрызнуться, как вдруг услышала лёгкий звон меча.

Это был её летающий меч. Неизвестно когда он оказался в руках Чан Ли. Та держала его, рука свободно опущена вдоль тела. Казалось, она просто держит меч, не прилагая ни малейших усилий.

Смутно, будто в воздухе мелькнула чистая световая вспышка. На мгновение она ощутила пронизывающий холод намерения меча. Но, присмотревшись, не увидела ничего. Рука Чан Ли оставалась на прежнем месте, не было ни ци меча, ни колебаний духовной силы. Казалось, ничего не произошло.

Затем раздались перепуганные вскрики. Она посмотрела в ту сторону и не смогла сдержать восхищённое «Вау!».

Летающие мечи, на которых стояли те люди, были аккуратно разрублены пополам, от рукояти до острия. Однако летающие формации на них не пострадали, и мечи по-прежнему устойчиво висели в воздухе. Просто из-за внезапного происшествия позы стоящих на них людей выглядели весьма нелепо.

Юнь И остолбенел.

— Ты увидела? — Чан Ли бросила взгляд на Чжун Минчжу и бесстрастно спросила.

— Нет... то есть да, да, да! — Чжун Минчжу рассмеялась, и смех её был полон злорадного торжества.

Она выглядела ещё более самодовольной.

Вернувшись на Пик Тяньтай, Чжун Минчжу ловко рухнула на кровать. Она была смертельно уставшей. Духовная сила, переданная Чан Ли, была лишь экстренной помощью. Как только её ноги коснулись земли, она почувствовала, что глаза слипаются. Голова едва коснулась подушки, как она уснула. Когда же она снова открыла глаза, перед ними предстали безбрежные Млечный Путь и звёзды.

Лёгкий ветерок доносил прохладу, яркая луна висела в небе. Это была её комната. Когда строили, она, движимая сиюминутным порывом, сделала в крыше световой люк, высокопарно

назвав это вольностью. Лёжа, можно было видеть всё небо без помех.

На ней оказалось одеяло. Практикующие не боятся обычного холода, но Чжун Минчжу стремилась к комфорту, поэтому, даже если в этом не было необходимости, куталась в одеяло. Она смутно помнила, что перед сном ничего не накрывала.

Наверное, это Чан Ли накрыла её. На одеяле, казалось, ещё остался лёгкий холодный аромат. Она потеряла нос и тихонько усмехнулась. Обнаружив, что силы восстановились, она поднялась с кровати и вышла за дверь.

Вода искрилась, переливы света проецировались во дворе, рассыпаясь призрачными световыми пятнами, больше похожими на иллюзорный пейзаж. Если бы не привыкла, можно было бы подумать, что всё ещё находишься во сне.

Чан Ли сидела у каменного стола. Её белые одежды сливались с лунным светом, спина была прямой, как меч. Она просто сидела там, где сидела, но казалась обнажённым клинком, величавым и неприступным. Перед ней стояла та самая ваза из сине-зелёного нефрита. Всего за несколько дней одни цветы отцвели, другие распустились, и вид стал совсем иным.

Она внимательно смотрела на цветы в вазе, время от времени подрезая несколько засохших веточек. Она всегда делала это сама, а не полагалась на магическую силу. С её уровнем мастерства она могла бы, не шелохнувшись, обрезать все сухие ветки в лесу. Но она брала ножницы и, как простой смертный, раз за разом, без усталости, подрезала.

Если бы она любила это, на её лице не было бы и тени радости. Взгляд был отрешённым, будто цветы или трава для неё не имели особой разницы. Если бы она делала это для виду, это тоже было бы непохоже. Всё было тщательно и аккуратно, без намёка на принуждение. Даже те, кто искренне любит садоводство, вряд ли были бы так поглощены.

Те чёрные глаза были словно зеркало — всё в них отражалось, но ничего не задерживалось. Это была глубокая, идущая изнутри отрешённость. А в глазах других она выглядела как пронизывающий до костей холод, при виде которого любой бы заколебался. Кроме Чжун Минчжу.

Своевольная, дерзкая до безрассудства.

Она широко зашагала вперёд. Звук шагов мгновенно разбил тишину двора, и даже переливы света, казалось, потеряли свою первоначальную живость. Но она совершенно не осознавала, что нарушила эту утончённую атмосферу.

А если бы и осознала, то, возможно, наступила бы ещё громче.

— Наставник, почему ты тогда оказалась там? — она села напротив Чан Ли, положила голову на руки и лениво посмотрела на клумбу с цветами, прежде чем неожиданно задать вопрос. В отличие от Чан Ли, она часто стояла и сидела как попало, и стоило рядом оказаться чему-нибудь, как она сразу обвисала, словно у неё вытащили кости.

Она думала, что Чан Ли точно не появится. Для неё всё это, казалось, было неважным.

— Я пошла посмотреть на тебя, — Чан Ли не остановила движения рук. Только на её лице, всегда лишённом эмоций, появилась лёгкая рябь, словно колебание. Спустя долгое время она медленно добавила:

— Ты моя ученица. Я должна интересоваться твоим прогрессом в мастерстве.

Эта серьёзная манера заставила Чжун Минчжу рассмеяться.

Чан Ли всегда была такой. Что бы она ни говорила, что бы ни делала, всё должно было следовать принципу «разумно». Как её попытки заниматься всем, кроме меча. Как её принуждение Чжун Минчжу практиковать меч. Как её безоговорочная щедрость.

Ни симпатии, ни антипатии. Просто так должно быть.

Но именно этот человек, безразличный ко всему внешнему, сегодня совершил то, на что прежняя она ни за что не пошла бы. Всё-таки в её жилах течёт кровь.

От этой мысли улыбка Чжун Минчжу стала ещё шире.

— Наставник, разве эти слова не слишком отстранённые? — в её глазах, чуть более светлых, чем у обычных людей, словно от природы холодных, мелькнула недобрая искорка. Она заговорщицки прошептала:

— В такой момент нужно сказать: «Я беспокоюсь о тебе».

Сквозь несколько веток камелий она увидела, как движение Чан Ли на мгновение замерло. Выражение лица оставалось бесстрастным, но через мгновение она тихо произнесла один слог:

— Угу.

Голос был чистым и прохладным, таким же спокойным, как всегда, когда она соглашалась на различные капризы Чжун Минчжу. Но Чжун Минчжу увидела, как её длинные ресницы дрогнули, словно пытаясь скрыть мелькнувшую в глазах неуверенность.

Она замерла, а в следующий миг её глаза загорелись, и уголки губ поползли вверх в улыбке.

Иногда Чжун Минчжу не могла не сомневаться, не попала ли она под действие каких-нибудь чар. Каждый раз, когда Чан Ли проявляла слабость, она не могла удержаться от улыбки.

<http://bllate.org/book/16292/1468377>